

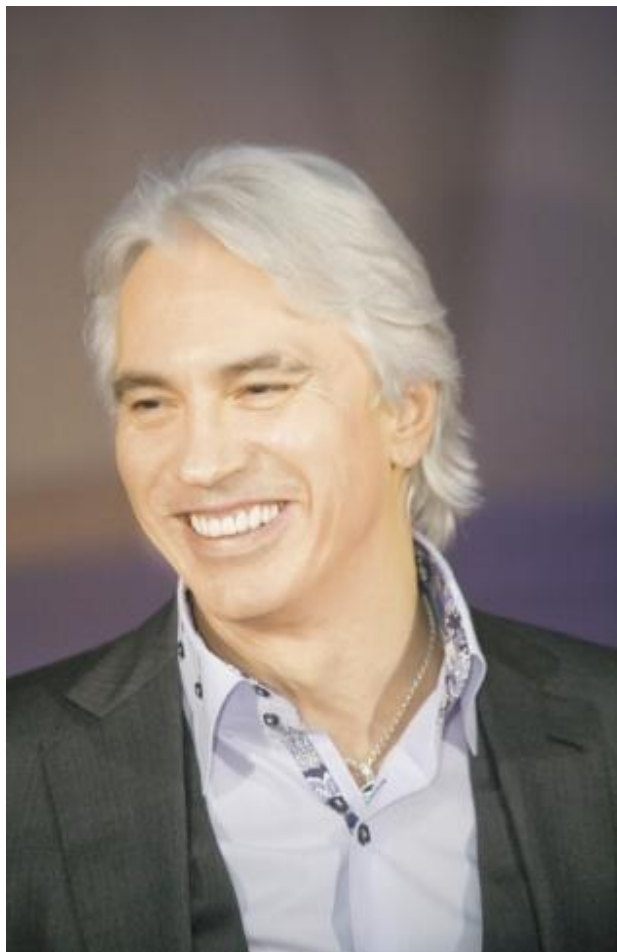
<https://krasopera.ru/press/interview/dmitriy-khvorostovskiy-svyatoslav-rikhter-predlagal-mne-perevorachivat-noty.htm?ysclid=Ih9c7w5xg691846335>

17.11.2011

Дмитрий Хворостовский: "Святослав Рихтер предлагал мне переворачивать ноты"

На сцене Красноярского Большого концертного зала в рамках гастролей по России и Украине с единственным концертом выступил народный артист России Дмитрий Хворостовский.

До Красноярска наш земляк уже выступил в Омске и Рязани, а далее отправится в Новосибирск, Оренбург, Москву, Санкт-Петербург, Казань и Киев. Билеты на

красноярский концерт поступили в продажу в конце августа и были раскуплены в течение недели. Последний раз Дмитрий Хворостовский приезжал с концертом в родной город в 2009 году и выступал в Красноярском театре оперы и балета. Как рассказала журналистам генеральный директор Красноярской филармонии Ирина Прокопенко, звёздный гость никак не демонстрировал свою звёздность – не требовал особых удобств при проживании и каких-либо изысканных блюд, был вежлив, открыт и доброжелателен в общении, что, кстати сказать, продемонстрировал во время большой пресс-конференции, на которой терпеливо отвечал на разнообразные вопросы журналистов. Ирина Львовна отметила такой удивительный факт, ярко характеризующий нашего звёздного земляка. Была предварительная договорённость, что на его репетиции поприсутствуют красноярские студенты, которых, чтобы не мешать певцу, аккуратно и незаметно разместили на балконе. Однако Дмитрий Александрович, обнаружив отсутствие студентов, поинтересовался, где они, и когда увидел их на галёрке, сразу потребовал, чтобы будущих певцов и музыкантов пересадили в партер.

– Спасибо вам большое, что пришли, – после сделанного министром культуры Красноярского края Геннадием Рукшей вступительного слова продолжил Дмитрий Хворостовский, – все красивые слова были сказаны. И... увидимся завтра. До свидания?.. *(смех)*

– Каким вы увидели большой зал филармонии после ремонта?

– Даже не представлял, что в этом зале можно комфортно петь, потому что он всегда был не акустическим. Теперь же всё кардинально изменилось, с чем я всех вас и поздравляю. Очень приятно, что у вас появился такой зал, который акустически работает не только на симфоническую музыку, но и для певцов. Вполне приличный зал, хотя немножко суховатая акустика, но, думаю, она звучит гораздо лучше не на сцене, а в зале, как и должно быть. Я только что был в Омске, где также был реставрирован зал филармонии – потрясающий зал! Он меньше красноярского, там сделаны специальные звуковые карманы, которые меняются в соответствии с направленностью концерта и делают акустику более жёсткой или лёгкой. Рад за Красноярск, потому что всегда слежу и горжусь любыми успехами моих земляков.

– Вы не были в Красноярске довольно долго – два года...

– Долго - это понятие относительное. Мне кажется, это было совсем недавно. Как будто я не уезжал. Быть на Родине для меня всегда счастье. У меня достаточно программ, идей, настроения, чтобы делиться этим с вами как можно чаще. Всегда рад видеть на своих концертах студентов. Помню, когда в наше время в Красноярск дважды приезжал Святослав Рихтер, в абсолютно заполненном зале он разрешал рассаживаться даже на сцене. Святослав Теофилович предложил мне перелистывать ноты на пюпитре, но я отказался, о чём сейчас жалею. Никогда не забуду этих концертов. К нам приезжало очень много великих музыкантов, это была прекрасная практика. Поэтому приезжаю в Красноярск, и хочу, чтобы все мои великие коллеги также приезжали.

– Что вы рассказываете на Западе о Сибири? Какими словами описываете родной край?

– Прежде всего говорю о живущих в Сибири сильных, прямых, честных людях, которые, как правило, держат своё слово, если что-то делают, то тихо, без крика: "Смотрите! Это я!". Это сибирский характер. Про медведей на улицах спрашивают обязательно, а я отвечаю: "Медведи по центру города ходят, причём белые". Некоторые верят. Ну о чём ещё с такими людьми говорить?

– С представителями какой национальности вам комфортнее жить и работать?

– Сам по себе, я закрытый, интровертный человек, не тусуюсь, сейчас с вами разговариваю, а закончится пресс-конференция – закроюсь в себе и больше никого не хочу видеть, независимо от национальности. Мне комфортнее там, где я живу. Много лет живу в Лондоне, там моя семья, мой дом, там я очень редко бываю, туда хочу вернуться.

– Ваше впечатление от открывшегося Большого театра?

– Для меня было очень почётно участвовать в открытии, тем более, что пригласили единственного русского певца. И я с удовольствием принял это приглашение, как с удовольствием приму другие приглашения от администрации Большого театра поучаствовать в чём-то. Пришло время, когда я должен быть в Большом: мне кажется, я смогу быть ему полезен. К сожалению, оперу, в которой я добивался наибольших успехов, показать русской публике для меня нет никаких возможностей. Очень жаль, что меня слушают только за рубежом, но пока могу, пока в силе, пока нахожусь на пике карьеры, очень хотел бы хоть что-то показать в России, прежде всего, в Большом театре.

– Горячо обсуждается скандальная премьера "Руслана и Людмилы" в Большом театре. Что вы можете сказать об этом?

– К сожалению, не видел, но мой менеджер и друзья были на премьере, и отзывы негативные. Во-первых, это пятчасовая опера, и надо сильно её любить, чтобы столько высидеть, – я бы не смог. Эту оперу нужно петь очень хорошо, потому что Глинку исполнять труднее всего, – избегаю петь этого композитора. А тут ещё режиссёр Дмитрий Черняков постарался сделать из этого какую-то клубничку, хотя это детская сказка, а маленьким зрителям это смотреть нельзя. Но, поскольку не видел сам, ни осуждать, ни хвалить не могу. Считаю, что Большой театр достоин быть не только лабораторией одного певца, режиссёра или дирижёра, не репертуарным театром, где состоит определённая труппа, а настоящим культурным центром мира, куда съезжаются лучшие оперные певцы.

– Публика красноярская или американская – какая она?

– Публика разная и одинаковая, как и ты, но когда выходишь на сцену, становишься другим. Соответственно, реакция публики не может быть одинаковой. Это как дважды войти в одну и ту же воду. Конечно, здесь меня больше любят, здесь по-русски понимают, здесь мой родной город, но это неважно, потому что, выходя на сцену, артист начинает с

ноля. И никакие заслуги и регалии не играют никакого значения. Человек должен пройти этот путь от начала до конца, как он проходит по жизни, чтобы найти контакт со зрителем, заставить его сопереживать. Это тяжёлый, как жизнь, путь, а публика?.. Знаете, говорят, что публика – дура, но это неправда, она имеет свои привычки, свою инертность, но публика выше, чем ты о ней думаешь. И вот когда ты это знаешь, то ориентируешься на самое лучшее исполнение, какая бы публика ни была. В своё время с программой военных песен мы сделали большой мировой тур по Европе и Америке. Большинство людей ничего не знает о войне – ни в Мексике, ни в Канаде, ни в Штатах. Но в конце каждого концерта люди вставали и аплодировали со слезами на глазах. Вот то, чего мы каждый раз добиваемся на сцене.

– Не движется ли опера к массовости?

– Опера никогда не будет массовым искусством – это для подготовленных людей, знающих этот жанр, понимающих и любящих его. Конечно, условности оперы человека, пришедшего с улицы, способны шокировать или привести в некое замешательство. Вышел на сцену лысый пузатый человек и начал, закатывая ручки и глазки, напрягаясь и потея, признаваться в любви такой же пузатой тётеньке – человек с улицы рассмеялся бы. Но когда пузатый человек Паваротти открывал рот, люди через некоторое время ошеломлённо закрывали глаза, понимая, что его голосом, может быть, вещает Бог или ангел. Любое искусство должно делать человека лучше, должно заставлять его думать, любить, страдать. Это не жевательная резинка, к которой я причисляю популярные жанры, которые просты, красивы, эротичны, но не способны сделать тебя лучше, как классическое искусство.

– Как вы относитесь к переводу оперы на язык кинематографа?

– Считаю, за этим будущее. Опера из-за массовости кинематографа от этого только выиграет. У многих людей появляется возможность видеть и слышать это не из театрального зала, а отснятым на прекрасной аппаратуре, с великолепно поставленным светом, особенно в виде прямой трансляции. Относительно недавно пел в "Трубадуре" в "Метрополитен-опера" – трансляция последнего спектакля велась по всему миру. Во время трансляции у меня брали интервью, и мой менеджер Лиза Вагнер предложила передать колумбийцам привет по-испански, что я и сделал, а на следующий день прилетел в Боготу. Люди меня узнавали на улицах, благодарили, а те, кто не смог попасть на концерт, набились в зал, где я проводил мастер-класс, чтобы только поглазеть на того, которого недавно видели в кинозалах.

– Вам не предлагали выступить в Красноярской опере?

– Мне бы до Большого театра добраться! А на родину хотя бы с концертом... Может быть, настанет время, но, честно говоря, я бы лучше с собой кого-нибудь привёз.

– Как часто женщины признаются вам в любви?

– Отношусь к этому с чувством юмора. А как иначе? Ну не поверишь же вам всем? Так можно и с ума сойти.

– Куда в Красноярске вы поехали в первую очередь и с кем встретились?

– В гостиницу. Друзей здесь у меня нет. Живёт двоюродный брат со своей семьёй. Я привёз с собой своего соседа, знаменитого фотографа Джона. И уже с раннего утра мой брат свозил его на Столбы, на смотровую площадку, он снимал студентов, репетицию, зрителей. Обязательно повстречаюсь со своим педагогом Екатериной Константиновной Иофель.

– Вы долгое время дружили с маэстро Колобовым. Кого из нынешних дирижёров вы могли бы назвать своим другом?

– Много лет дружу, работаю, поклоняюсь Валерию Гергиеву. Считаю, что это величайший музыкант нашего времени, просто глыба. Для меня это абсолютный авторитет. Это человек, который успевает одновременно делать столько, что другим недоступно. Наверное, его мозг устроен, как у женщины – он многостаночник и может одновременно делать несколько вещей, причём абсолютно несовместимых, не теряя нитей. Женщина может ехать за рулём, красить губы и разговаривать по мобильнику. Однажды стал свидетелем, как он делал одновременно пять вещей: я стоял на сцене, он дирижировал мной и оркестром, перед ним была не партитура, а написанный от руки клавиш другой тональности, наушник в ухе, по которому он разговаривал по телефону со своим агентом, перед ним бегал композитор, написавший эту музыку, и поправлял его. Такое можно увидеть только в фантастических фильмах.

– Билеты на ваш красноярский концерт уже давно проданы. Когда мы вас услышим в следующий раз?

– Я ещё не спел и не уехал, а уже, спрашивают, когда следующий концерт. Sorry, не знаю, правда. Мы вчера с Геннадием Леонидовичем Рукшей встретились, я только открыл рот, чтобы поговорить насчёт следующего раза, а он исчез (*смех*). Дайте нам встретиться и поговорить!

Сергей ПАВЛЕНКО